

Мир глазами наркомана

Немецкие спектакли в Авиньоне

Первые спектакли в программе Авиньонского фестиваля – “Войцек” Томаса Остермайера (театр “Шаубюне”) и “Кокаин” Франка Касторфа (театр “Фолькбюне”) – еще раз убедили зрителей, что немецкие представления о театре совершенно не соответствуют французским. И дело тут не только в том, что в Германии большинство театров репертуарные, а во Франции спектакль играет собранная по этому случаю актерская команда. Во французском понимании театр связан прежде всего со словом. Главная задача актера – точно и последовательно передать логику развития авторской мысли. И относиться к авторскому тексту с максимальным пиететом. Немецкие режиссеры делают основную ставку на внешний образ. Не важно, если актер забыл реплику. Гораздо хуже, если он играет невыразительно и его герой не оставил никого следа в сознании зрителей.

Спектакль, где визуальные образы оттеснили слово на второй план, появился даже в святой святых Авиньонского фестиваля – Парадном зале Палского дворца. Именно здесь директор фестиваля Венсан Бодрийе решил показать “Войцека”

(впервые за время существования фестиваля в Палском дворце играли на немецком). На сцене, где прежде актеры часами вели пространные диалоги, даже не поднимаясь со своих мест, играют спектакль, где каждые несколько минут что-нибудь меняется.

Эта работа Остермайера напоминает документальный фильм из жизни современной молодежи. Режиссер перенес действие пьесы Бюхнера из XIX века в наши дни и превратил всех военных в штатских. Художник Ян Паппельбаум выстроил на сцене точную копию трущоб на окраине огромного мегаполиса: вдаль индустриальный пейзаж с заводами и высотными зданиями, на первом плане речка, похожая на канаву со сточной водой, платный туалет и уличное кафе, где продают сосиски, кофе и пиво. У речки обитает безответный бродяга Войцек (Бруно Катомас), день за днем он пытается выудить из воды что-нибудь ценное. Здесь же собирается компания аутсайдеров – бандитов и тех, кто не может найти своего места в жизни. Все в этой компании цеголяют в кожаных штанах, украшают себя вызывающими татуировками и метал-

лическими браслетами. Войцек для них – “шестерка” и вечный мальчик для битья. Особенно безжалостно издеваются над ним два садиста, называющие себя Доктором и Капитаном. Доктор превратил Войцека в подопытного кролика, заставляя принимать самодельные наркотические препараты. А Капитан заставляет брить себе волосы в интимных местах. Когда они начинают приставать к подружке Войцека Марии, доведенный до отчаяния бродяга задает вопрос: почему Господь так и не убил своего сына и не спас его от мучений? Не найдя ответа, он убивает Марию и топит ее тело в воюющей канаве. Действие идет в стремительном ритме, звучит рок-музыка, движения героев иногда превращаются в странный танец. Вот и все. Ни мистических предчувствий, ни романтических настроений, ни философских выводов в духе Бюхнера. Только в финале играют на сцене мальчик Войцек и девочка Мария, напоминая о том, что жизнь героев могла сложиться по-другому. Слегка оторопев, французская критика решила, что Остермайер изначально задумывал провокацию, его спектакль – карикатура на современную

действительность, а актеры издеваются в нем над своим поколением.

“Кокаин” Касторфа, поставленный по одноименному роману итальянца Петигрилли (Дино Сегре), написанному в 20-х годах прошлого века, удивил зрителей еще больше. Окружающий мир выглядит в нем таким, как он представляется главному герою – наркоману и потенциальному самоубийце Тито (Марк Хосман). Тито – сотрудник бульварной газеты, высказывающий жареные факты, – в свободное время нюхает кокаин и развратничает.

Касторф всегда работает на стыке разных искусств, используя в своих постановках средства кино и телевидения. Если нужно, покажет крупным планом лицо героя или перенесет действие сцены в другое пространство, и зрители увидят его изображение на большом экране. “Кокаин”, который играют в помещении для экспозиций “Шатоблан”, больше всего напоминает гибридный театральный спектакль и видеосталляжи. Два телевизора на авансцене, экран на заднике, еще один, висящий посередине (на него крупным планом проецируют лица героев), – вот далеко не весь перечень мульти-

медийных средств, задействованных режиссером. Операторы с видеокамерами, очень похожие на paparazzi, носятся за актерами, стараясь запечатлеть и показать на экране самые сокровенные моменты жизни героев: журналист вдыхает порошок кокаина, лицо человека искажается в гримасе боли, женщина смотрит в глаза возлюбленного во время сексуальной сцены. Или еще какой-нибудь момент, способный вызвать у зрителя чувство, будто он подглядывает в замочную скважину. Декорация состоит из отдельных, не связанных между собой фрагментов: бар, жилая комната, магазин. Герои чувствуют себя в этом пространстве очень неудобно и под любым предлогом стараются сбежать со сцены. Но даже за кулисами их неотступно преследуют всезудущие операторы со своими камерами. Никто не может остаться в одиночестве: телевизоры транслируют фрагменты каких-то передач, на экране-заднике показывают не связанные между собой эпизоды старых фильмов. Люди кричат и не могут докричаться друг до друга. Мужчины пьют, не пропускаяют ни одной юбки, женщины страдают и не способны объяснить,

что доводит их до истерики, отец мучает дочь. А окружающий Тито мир все больше напоминает огромное чистилище, где грешники никогда не дождутся ни прощения, ни отпущения грехов. Единственным выходом для героя становится самоубийство. В финале из огромных конусов, возвышающихся на заднем плане, начинает вырываться пламя. Это пламя – символ того, что мир, в котором жил Тито, исчез вместе с его смертью. И одновременно пророчество о грядущей катастрофе, ожидающей всю европейскую цивилизацию.

Французская критика называет постановку Касторфа чрезмерно “сексуальной, провокационной и наполненной депрессивными настроениями”. А зрители хотят поскорее увидеть еще три спектакля Остермайера и все остальные постановки, включенные в авиньонскую программу. “Мы практически ничего не знаем о немецком искусстве, – говорит один из них, – книги немецких авторов не переводят на французский, спектакли не показывают, а фильмы очень редко включают в программу Каннского фестиваля”.

Светлана СЕМЕНОВА

Будьбурра-2004-22-28 июля 2004-21